

О песне*)

Пятый десяток мне идет, хвораю, ровно бы и думать забыть о песнях надо, а нет, лезет в голову песня да и только. Сегодня по радио услышала как Ковалева поет, частушки она пела, и начала я перебирать в уме какие мы раньше частушки пели и о чем.

Теперь совсем другие частушки поют. И по иному девушка ставит вопрос, каким должен быть ее милый. Вот как поют нынче:

Не за то тебя люблю я,
Что ты, миленький, хорош,
А за то тебя люблю я-
Трактор весело ведешь.

Не хочет девушка такого парня, который плохо работает, который лентяй и лодырь. А мы ведь раньше ничего такого не пели. До и не удивительно. Доля-то наша девичья, молодость какая была?

Беспросветная, горькая, пришибленная молодость, без надежды на лучшее будущее. Росли мы неученые, родители считали, что не надо «девок» учить, вырастет замуж пойдет. Тут не писать да читать надо было учиться, а стряпать, стирать, шить, вязать, это чтоб дома мужу угождать. Да кроме того надо было научиться жать, косить, молотить, сено убирать, чтобы уметь и хозяйство вести, да в доме работницей быть.

За «бездомовицу», за «зимогора», т.е. человека не имеющего хозяйства, не отдавали девушек. Все родители выбирали, чтобы у жениха дом и хозяйство было. А о том, нравится ли жених, да какого он поведения, не думали. «Стерпится - слюбится», «женится- переменится», - вот что говорили при выдаче замуж девушек, если она плакалась, что жених не хорош да пьет. И пели девушки:

Кабы знала, кабы знала
Где мне замужем бывать,
Пособила бы свекровушке
Рассаду поливать.
Я рассаду поливала
В травушек запуталась,
Кого сроду не любила,
До того достукалась.

А родители на девушку глядели плохо. Не радовались, если родится девочка: «Девку пой, корми, а потом со двора уйдет». - «На девку какая надежда». К такому отношению привыкли, так уж велось, что «девка в доме – убыток хозяйству».

А рождение сына встречали такими словами: «Вот это радость моя, вот веселье великое, для этого ворочусь из пути из дороженьки из раздолья широкого».

И девушки того времени мечтали о своей доле, не о той доле, что теперь – учеба, комсомол, общественная работа, а думали о том, чтоб хороший муж попался, не пьяница, не забияка, не драчун. Соберемся, бывало, на полянку и начнем хороводы водить, да песни петь нерадостные:

Выходили красны девицы души
Из ворот гулять на улочку,
На зеленую поляночку.
Выносили красны девицы души
Соловейчика на белых ручках.
Соловеюшка расвищется,

*)Газ. «Искра», 1936, 9 марта, № 57 (1596) – Ред.

Красны девицы разыграются.
Поиграйте, красны девиц души,
Да во своей воле у батюшки,
Да у родимой у матушки.
Неравно-то замуж выйдется,
Да неравно – то черт навяжется
Либо старое удушливое,
Да либо младое загубчивое,
Либо пьяница кабацкая.
Ой, во кабак идет ругается,
С кабака идет – валяется,
Домой будет-разгуляется.
Он заставит разувать-разболокать,
Часты пуговики растегивати,
Шелковые петли раздергивати.
У меня, млады младешеньки,
Да мои рученьки белешеньки,
На руках перстни злаченные.
Мои ручки замараются,
Златы перстни приломаются,
Мелки вставки разлетаются...

Вот что мы пели. И не было в наших песнях радости живой, не смотрели мы на жизнь наше будущую как на что-то светлое, манящее, а думали, что будем ту же лямку тянуть, что и мать тянула...

И пели еще частушки, которые часто сами слагали. Ведь частушка, или «улочная» как звали ее раньше, слагалась нами на всякое событие, в частушке и милый воспевался, и разлука с ним, и «злая разлучница», ну, и высмеивались иногда в этих песнях господские слуги. Вот, например, высмеивали мы часто служащих конторы графа Шувалова. Помню, пели такую частушку:

У конторы окна полы,
У приказных локти голы,
У шуваловской слуги
Без подметок сапоги.

Много пели, всего не упомнишь, а уж про «миленка» распевали во всю:

По оградушке иду,
Оградушка метеная.
Про миленка вспомню я,
Не спится ночка темная...

Шаль пухова,
Шаль коврова,
По середке полоса,
У моего милого
Под ерошку волоса.

О разлуке пели так:

Елочка-сосеночка
Колючая, боюся я.
Молоденький миленочка,
С тобою растаюся я.
Неужели ты повянешь,
В поле розовый цветок,
Неужели ты покинешь,
Меня, миленький дружок.

О замужестве тоже пели частушки. Хоть в песне выливали свое недовольство:

Мама, чаю, мама, чаю,
Чашечка налитая.
Не пойду я, мама, замуж
За солдата битого.
У солдата два ума,
Пойди, маменька, сама.

Теперь за красноармейца любая девушка пойдет, а мы вот за солдата не хотели идти. Мы считали. Что у солдата свой ум выбили на службе, так он чужим умом живет, и жену бить будет.

Сатира тоже процветала у нас в песнях. Высмеивали старых девушек. Ведь в старое время выдавали замуж рано. Только семнадцатый год пойдет, так родители беспокоиться начинают: надо Веерке либо Маньке жениха искать. А если девушке за восемнадцать перевалит, тона уде «старой девой» считалась:

Вышла курочка но улочку,
Кричит: «Ку-та, ку-та»-
От царя пришла бумага –
Старых девок на дрова.

Эх, и плохие песни мы пели. Хорошие песни у нас появились примерно в 1905 – 1906 годах. Осенью 1905 года по главной улице Лысьвы шла невиданная ранее процессия. День был погожий, светило солнышко и ярко переливалось в красных знаменах. В первых рядах шли рабочие. Рабочие пели «Марсельезу» и «Варшавянку». Вот только тогда и узнали многие из нас, девушек, что есть другие песни, которые сулят что-то новое, невиданное, какую-то новую жизнь.

Новые песни надолго удержались в Лысьве. Пьяные казаки, гарцуя на конях, часто взмахивали нагайками, нагайки гуляли по плечам рабочих, но песни новые стойко держались. И часто на окраинах Лысьвы можно было слышать:

Задумал наш Трепов-
Царю угодить:
Пулей, нагайкой –
Народ усмирить.

Звенели новые песни. Они говорили о произволе, о рабской жизни, из которой надо выбиться на волю. А мы еще не пели новых песен, мы, все еще сидя у огонька при свете лампы-пятилинейки, тянули старые песни. Вот теперь думаю я, перебираю в уме все песни того времени и не могу найти такой песни, которая бы радостью звучала. Все песни отражали в себе нашу горькую женскую жизнь.

Парни тоже не пели добрых песен. Ходили парни по улице с гармошкой и орали:

Ты, Анютка – сера утка,
Не летай с краю на край,
Я те вымажу ворота,
Раскатаю весь сарай...
Моя мила косорыла
За рекой она жила,
Захотела повидаться –
В решете переплыла.

Хулиганили здорово ребята тогда, да и то сказать: негде им было научиться хорошему: работа на заводе, вечерки, драки – вот и все «культурное» развлечение того времени. И за таких-то хулиганов мы замуж шли, а какво замужем жилось. Не один десяток женщин сможет рассказать о побоях и издевательствах мужей. Песни все звучали тоской да слезами.

Шли годы. Лысьва неоднократно подвергалась «посещениям» казаков, царских солдат, ингушей и прочих «успокоителей». Гуляла нагайка, увозили лучших людей-большевиков, «чтоб не сеяли крамолы».

Пришла Октябрьская революция и старая женская доля навеки канула в прошлое. Великие учителя пролетариата Ленин и Сталин дали женщине новую, яркую жизнь. Новые песни пошли. Про нашу новую жизнь поют величайшие советские поэты, великие мастера слова, пролетарские писатели пишут про нас романы, повести, рассказы.

Слагает как и прежде свои песни частушки наша молодежь. Но в них звучит уже не прежняя тоска и печаль, них ключом бьет радость новой жизни и творчества:

Сегодня, милый, не приду
В кино на свидание:
Математику учу –
Пополняю знания...
Мой миленок задается,
Задаюся тоже я.
Мой миленок комбайнер,
Трактористкой стала я...
Эх, Сереженька, Сережа,
Комсомолец боевой,
Не за то ли меня любишь-
Соревнуюсь я с тобой...
Мой миленочек не пьет,
В карты не играет.
Он в техническом кружке
Знаний набирает.

И песни про любовь новые пошли. Девушка ищет такого милого, который бы отвечал ее идеалу:

Не ходи по коридору,
Не подмигивай глазком,
Не хочу с тобой я знаться-
Часто куришь за станком.
Что-то, милый, у тебя
Зарботку мало.
Я процентов до трехсот
В смену намакала.

Поют о физкультуре:

Мой миленок физкультурник
Нынче сделал мне наказ:
Физкультурницей не станешь,
Не пойду с тобою в ЗАГС.
У моего милого
Майка ярко алая.
Полюбила футболиста-
Теннисисткой стала я.
На Травянском еа пруду
Лыжники катаются.
Мой миленок в голубом
Здорово старается.
Физкультурную зарядку
Надо в цехе проводить.
Лучше выполнишь задание,
Веселей будешь ходить.

Новые песни куда лучше старых. И лучше, и веселее звучат они. Старые песни мы теперь не поем. Но иногда, сопоставляя нашу новую жизнь со старым бытом, мы вспоминаем и старые песни. И как унылы они теперь нам кажутся.

В далекое прошлое ушла проклятая старая жизнь. Старые песни тоже ушли в далекую историю. Будем же петь новые песни, пойдем с ними вперед к новым достижениям, к новым победам под знаменем Ленина-Сталина!